

Бернард Шоу

Р. ПЕЙДЖ АРНОТ

Весь мир отметил восемидесятую годовщину со дня рождения Бернарда Шоу (за исключением самого Шоу, который не является поклонником «блестящих дат»).

Шоу—известнейшая фигура не только английской, но и мировой литературы. Его пьесы исполняются почти во всех странах, он выступил в первые ряды английских драматургов, подобно Коннери и Шеридану.

Однако признание Шоу — в особенности в Англии и в Америке, — это преимущественно признание «не существующего». В нем либо не видят того ценного, что в нем есть, либо превосходят выдающиеся стороны его таланта. Буржуазия, канонизировавшая Шоу еще при жизни, за последние годы воззрела его на литературный Олимп и прославила угловыми гимнами. Следовательно, для буржуазии осталась непонятной бесподобная наследница Б. Шоу над ее собственной жестокостью и лицемерием, она не заметила стрел, направленных против ее литературных и социальных канонов, разрушительного огня критики, направленной против английского буржуазного уклада. Сатира Б. Шоу на глупые привычки буржуазного общества, подобно сатирикам Вольтера, налогово сохранила социальное значение. Но политическая мысль его произведений, какое бы влияние она ни оказывала в Британии, обречена на гибель.

Чтобы понять Шоу, надо понять его эпоху, написшую свое художественное и политическое отражение в творчестве Шоу, ибо тут кроется его сила и его слабость.

Джордж Бернард Шоу до двадцатилетнего возраста рос в среде обделенного мелкого дворянства и изящных слов горячей буржуазии Дублинска. Он пришел в столицу Британской империи как «тиличный иранец», как раз в переходный период британского капитализма. Он был свидетелем расцвета империализма и его затата.

В момент прихода Бернарда Шоу в Лондон Англия была капиталистическим раб — рам для капиталистов. Она монополистически завладела колониальными рынками и стала мастерской мира. В других странах капиталистическая пролетариатская (хотя она сама предпочитает последнюю).

Вот что можно сказать о политическом недостатке книги, на который указывают в предисловии к «Достижениям Советского Союза и приветствуют построение социализма в одной шестой части мира». Однако он сам аналитично у黯ает ценность этой поддержки, когда заявляет о своем предпочтении диктатуры перед демократией, будь то диктатура фашистская или пролетариатская (хотя он-то сам предпочитает последнюю).

Основной недостаток книги, на который указывают в предисловии к «Достижениям Советского Союза и приветствуют построение социализма в одной шестой части мира». Однако он сам аналитично у黯ает ценность этой поддержки, когда заявляет о своем предпочтении диктатуры перед демократией, будь то диктатура фашистская или пролетариатская (хотя он-то сам предпочитает последнюю).

Он же не является истины в его творчестве. Но все же на этот приветственный основе Шоу удались с замечательной точностью изобразить буржуазию своей эпохи. Особенно удачно отображены он жизнь английского среднего класса. Следует попутно указать, что и в одной из пьес Бернарда Шоу не нашли отражения жизнь и борьба рабочего класса.

Бернард Шоу достаточно проницателен, чтобы признавать огромные достоинства Советского Союза и приветствовать построение социализма в одной шестой части мира. Однако он сам аналитично у黯ает ценность этой поддержки, когда заявляет о своем предпочтении диктатуры перед демократией, будь то диктатура фашистская или пролетариатская (хотя он-то сам предпочитает последнюю).

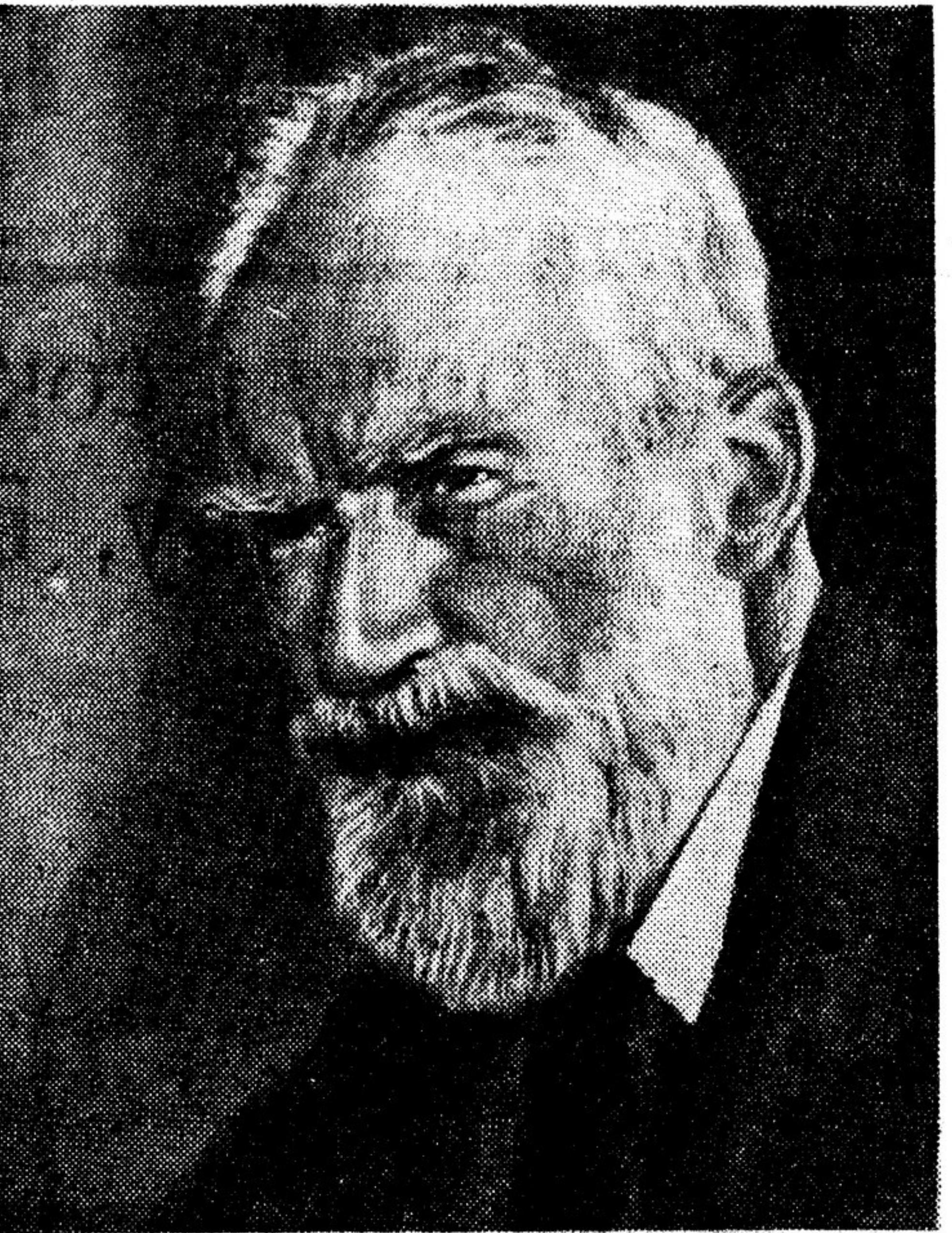
Он же не является истины в его творчестве. Но все же на этот приветственный основе Шоу удались с замечательной точностью изобразить буржуазию своей эпохи. Особенно удачно отображены он жизнь английского среднего класса. Следует попутно указать, что и в одной из пьес Бернарда Шоу не нашли отражения жизнь и борьба рабочего класса.

Зато средний класс никогда не имел такого выразителя. С подлинно чехословакским мастерством он дает портреты людей среднего класса, а в последнее время и представителей высшего класса английского общества. Он подвергает нападкам и осмеянию основы их морали, искусства, литературы, государства. Он разоблачает романтические иллюзии, в которые они кутаются, осмеивая их наивных шовинистов (его собственный — несколько тощие), представляя их во всей жестокости и алчности.

После войны Шоу выпускает самую язвительную из своих пьес: «Доктор Гаук». (Его язвительность уступает лишь тем, что он сознает свою принадлежность к миру буржуазии, который он рисует). В этой пьесе он изображает английский господствующий класс таким, каким он его видит.

Все его пьесы полны такого неизвестного остроумия, сценического мастерства, проникновения в характеры, что он заставляет «средний класс» смеяться над самими собой. Так, несмотря на сибирскую поддержку империализма, Бернард Шоу, этот поэт последней художественной эпохи, ворона, следующая за плугом какого-то более органического мыслителя, он довольно едко иронизирует: «Я — ворона, следующая за плугами плугами».

И действительно, долгое время следуя за плугом Сиднея Бебба, до по-

Бернард Шоу
К 80-летию со дня рождения

Стихи и песни о Сталине

«Мы именем твоим помы, как песни».

Наира Зарина

Книга, изданная Журнально-Газетным обединением*, — столько первая попытка собрать часть уже сеп-час неизвестного стихового и песенного материала о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни в колхозах, о культурной революции, о пролетарской единстве, об обороне социалистической родины, о новых городах и гигантах индустрии, о новых счастливых людях, о новой радостной жизни. Т. е. они говорят о Сталине.

Они говорят о зажиточной жизни

НОВОЕ ИЗ НАСЛЕДИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО

— «Упадок ли декадентство или, напротив, движение вперед?» С таким вопросом обратился в 1905 году к Льву Толстому ученик VII класса аризонтского кадетского корпуса М. Лоскутов.

«Разумеется, упадок, и тем особенно печальный, что упадок искусства есть признак упадка всей цивилизации...» — отвечал адресату Лев Толстой. «Причина, почему декадентство есть несомненный упадок цивилизации, состоит в том, что цель искусства есть обединение людей в одном и том же чувстве. Это условие отсутствует в декадентстве. Из позиции, из которых нравятся только их маленькою коржаку точно таких же неморальных людей, каковы они сами. Истинное же искусство захватывает самые широкие области, захватывает сущность души человека. И такое всегда было высокое и настоящее искусство».

Это письмо Толстого, как и другие его письма — из издательства журнала «Русский архив» П. Бартеневу, Илье Репину, Н. Лескову, Л. А. Андрееву, И. Горбунову-Посадову, Л. Л. и Т. Л. Толстым, Н. М. Нагорному и др., публиковалось в сборнике Государственного толстовского музея, выпускавшем Гослитиздатом.

Значительная часть писем представляет большой интерес для исследователя жизни и творчества Толстого и для широкого читателя. Материалы сборника знакомят с мыслями писателя о различных явлениях общественной и литературной жизни, с процессом работы писателя над романом «Война и мир», «Хаджи Муратом» и др.

Кроме писем в сборнике печатаются неопубликованные и малоизвестные произведения Толстого, в том числе: отрывки из единственного толстовского памфлета «Сказка», неизвестный вариант начала повести «Нет в мире виновных», черновая рукопись заметки «О Гоголе» и др.

Закончив «Анну Каренину», Толстой предполагал написать большое произведение, посвященное демобилем, и роман из эпохи Петра I. В сборнике печатаются выдержки из записной книжки писателя за 1877—78 гг. Она содержит наблюдения над природой и людьми, записи народных поговорок и выражений, сделанные Толстым для этих будущих романов.

В числе «забытых» произведений и статей публикуются интересные заметки, написанные Толстым в 1880 году для публичной лекции В. А. Гольцева — «О прекрасном в искусстве». «Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник. 1) Для того, чтобы художник знал, от чем ему должно говорить, нужно, чтобы он знал то, что собственно всему человечеству, и, вместе с тем, неизвестно ему, т. е. человечеству. Чтобы знать это, художнику нужно быть на уровне высшего образования своего века, а главное жить не алогичной жизнью, а быть участником в общей жизни процессов его издания».

На юбилейном вечере Сейфуллина

ПИСЬМО ИЗ АЛМА-АТЫ

В летнем помещении казахского драматического театра состоялся вечер, посвященный двадцатилетию литературно-художественной деятельности Сакена Сейфуллина.

Театр был переполнен трудающими, пришедшими почтить писателя-одиночку.

На вечере присутствовали секретарь Казакской АССР Г. Т. Мирзаян, председатель Союза писателей Казахстана, на успехе декадента Сакена Сейфуллина.

Торжественное собрание открыло председатель союза писателей Казахстана Т. Тогжанов. Он коротко остановился на значении юбилея и на роли писателя в развитии казахской советской литературы.

Затем с большим докладом «Творческий путь Сакена Сейфуллина» выступил писатель Сабит Муканов, давший характеристику творчества поэта.

С приветствиями болгары выступили — от научных работников Казахстана — Т. Джубанов, от советских писателей —

П. МАГЕР.

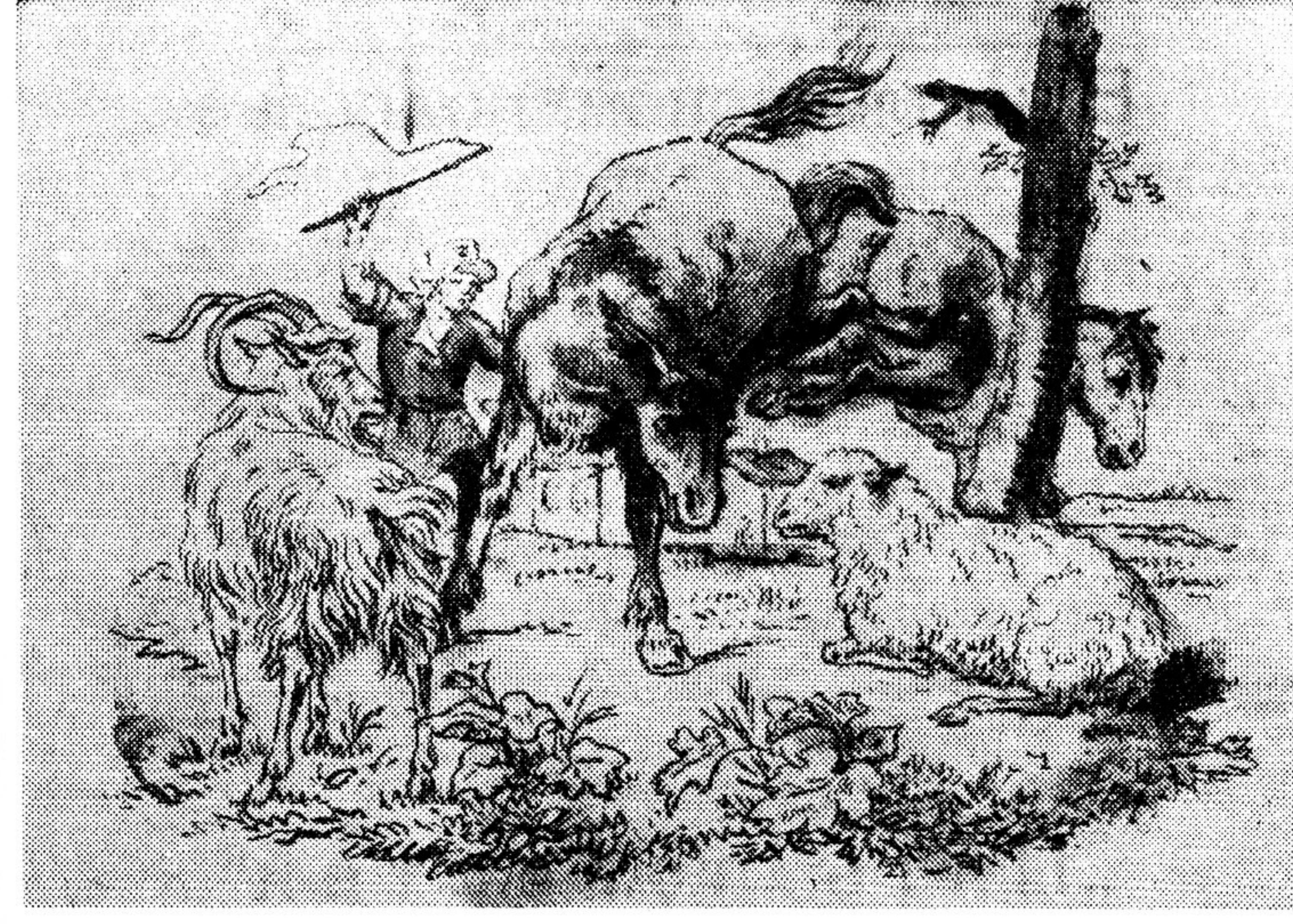
ВЫПРАВИТЬ ХОД ДИСКУССИИ

НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

едаваться в дальнейшие рассуждения о природе этой народности, о классовых корнях шекспировского творчества и т. д.

Подобного же рода концепция разыта в статье другого соратника М. Лицинича, скрывшегося под псевдонимом И. Иванова, в № 8 «Литературного обозрения». Критикуя книгу М. Храпченко о Гоголе, И. Иванов дает в нескольких строках свою концепцию Гоголя. «Действительная история гласит, что Гоголь возвысился над ограниченностью своей среды, над этническими интересами своего класса, что он возненимал «мертвые души» дворянско-чиновничий России. Именно благодаря этому Гоголь вырос в величайшего обитателя животно-гребного мира собственности, господства и рабства. Действительная история гласит, что Гоголь беспокояла не «сущность своего класса», не истицкая «семоночка класса», «нестабильность класса», о чем так много смешили написано в книге Храпченко. Мучения Гоголя были результатом его страсти любви и тревоги за будущее своего народа, но если Белинский счастье народа рисовалось в освобождении от крепостного права, то Гоголь это счастье рисовалось в виде «мирной» жизни крепостных крестьян под управлением отца-помещика, просвещенного Костянтина. Если Белинский в статье о поэтическом краине Лутянского писал, что «неизобразимый мужик иногда бывает больше ероженного достоинства, нежели в образованных людях средних сословий», то у Гоголя крестьяне представлялись ему в виде «аристократии любви и тревоги за будущее своего народа, своей страны». Только сдвигнувшись на капиталистическую и пережив громадный внутренний наплыв, обусловленный интенсивностью тех общественных сил, которые могли противостоять николаевскому режиму, Гоголь начал проповедовать свою реакционную утопию. Это была измена обострительным идеалам... «Вот чего не понимают Храпченко. Вот почему его книга есть отказ от традиций Белинского-Чернышевского — Ленина».

Эти строки свидетельствуют о полном пренебрежении И. Иванова фактом конкретной истории, о незнании этих фактов. И. Иванов говорит об измене Гоголя сознанием, что нации и народы не согласуют в своем значении. Ближайший пример — сам И. Иванов. Начиная борьбу против схематиков и «суворовских социологов», он, очевидно, не имел ввиду извращать марксизм. Однако в результате он все же выписывает из ванни ребенка вместе с грязной водой. Рассматривая далее взгляды

Изогиз выпускает книгу К. Кузмина «Русские иллюстраторы-реалисты». На снимке: рисунок первом С. Галактионова к басне Измайлова.

Гора и зеркало

ЛАХУТИ

Как сердце в груди, средь широких зеленых степей

Стоит одиноко гора с незапамятных дней.

Стоит, головой горделивой уйда в облака,

Светла и прекрасна таинственна и велика.

В час утра, румяной лепешки — деханская еда,

К ней падает солнце в цветистый подол с высоты.

Нет края на солнечных склонах лесам и садам,

Нет счета на ветках зеленых душистых плодам.

Над крутыми высится пик, неприступен и горд,

Как наши границы пред ником вражеских орд.

Как воля титана, спокойную твердость хранят

Одесский землею, увенчанный снегом гранит.

Стоит вековая громада, врезаясь в туман,

Взлетая над миром, как пламенный сты партизан.

Как ария Красная, неустроима, сильна.

Как судно советское, несокрушима, грозна.

А стекла ины созерцатели узки, тесны.

Таким не вместить отраженье великой страны.

И как бы усердно они ни трудились над тем,

Каких ни исками в великих, волнующих тем,

Познаньями иници и взглядом, умом несмелы,

Для дела огромного люди такие малы.

Покуда с раскрытым тетрадкой своей записной

Сидят созерцатели к стокле великой спиной,

Подобны они от немого услышавшим весть,

Иль в зеркале тайны горы захотовшим прочесть.

Подумай-ка: тема, что шире познаний твоих,

Вместится ли в познование твои иллы?

Предмет колье тебе самому незнаком глубоко,

Другого как можешь ты с ним познакомить легко?

Для судна громадного нужен не пруд — океан?

Кто воду из хауса вымыт возвьется в стакан?

В цветистом горшке, пусты он будет хоть весь золотой.

Посадишь ты разве развесистый кедр вековой?

На родине нашей советской, где властует труд,

Сердига наука и техника пышно цветут.

В деревне теперь не волы и мотыги одни, —

Машини там, новые люди и новые дни.

О жизни деханская писалось легко до сих пор.

Что было в ней? Горе да слезы омач да топор.

Сердига же пахарь наш стал человеком иным,

И жизнь по-иному открылась теперь перед ним.

В колхозах и коляях, у молота и за рулем

Немало найдется народу, что в росте своем

Не только давно уж до нас дотянулись с тобой, —

Шагнули и выше уверенной, твердой ногой.

Не станем мыль незаметно — подумать пора —

Как с зеркальцем тот созерцатель, а жизнь — как гора?

Певцы-комсомольцы я истина эту познал.

И притчу о ней баскуюскую вам рассказал.

Хочу я, задорное воинство скопа,

Чтоб дивные тайны своим вам открыла гора,

Чтоб каждый из вас к горе обратился лицом,

Величе и славу ее увидал целиком,

Чтоб зеркало мощное ваших познаний могло

Ее отразить всеобщимо, ясно, светло,

Чтоб в бой за познанье кидались вы жарче, смелей,

Чтоб дальше и зорче учились глядеть и прямей,

Чтоб волей и сердем учились, умом и душой,

Чтоб малыми вы не остались пред жизнью большой.

Познанье, товарищи, — волшебный отточенный меч.

И жизнь он дарует и головы сносит с плеч.

Но если оставишь ты меч среди поля лежать,

Стремительно скватится враг за его рукоять.

Болграды, еще не умолкли, классовых битв,

Бесклассовой жизни, могучий и раз остылый ритм,

Победное шествие техники звонко-стальной

На суще и на море, в воздухе и над землей, —

Им отзыва нет в неприметных, смутных речах

Людей, что, как ты, пред величиной чувствуют страх.

Советскую землю, над миром занесенную вьюью,

Такою высокую сделала Сталинна мысль.

Богата и неистощима она, как гора.

Могучая и несокрушима она, как гора.

А стекла ины созерцатели узки, тесны.

Таким не вместить отраженье великой страны.

И как бы усердно они ни трудились над тем,

Каких ни исками в великих, волнующих

Познаньми иници и взглядом, умом несмелы,

Для дела огромного люди такие малы.

Покуда с раскрытым тетрадкой своей записной

Сидят созерцатели к стокле великой спиной,

Подобны они от немого услышавшим весть,

Иль в зеркале тайны горы захотовшим прочесть.

Подумай-ка: тема, что шире познаний твоих,

Вместится ли в познование твои иллы?

Предмет колье тебе самому незнаком глубоко,

Другого как можешь ты с ним познакомить легко?

Для судна громадного нужен не пруд — океан?

Кто воду из хауса вымыт возвьется в стакан?

В цветистом горшке, пусты он будет хоть весь золотой.

КНИГИ

В итальянском подполье

Известный работник итальянской компартии т. Гардзали в своем открытом письме Дж. Джерманетти (председателю «Фениктор») пишет: «В 1921 году, несколько месяцев спустя после образования нашей партии, перед нами встал вопрос о необходимости выработать в условиях полугодового существования своей языка — особый жаргон... В числе прочих слов этого языка слово «фениктор» обозначало партийных курьеров...»

«Слышится, что у нас на глазах выступают слова, когда мы говорим об их подвигах. Почему же все-таки мы называем курьера «фениктором»? Дело в том, что все достоинства этой языка — скромность и отказ от умения хранить тайну; верность и отход от

Джерманетто Джованни, «Фениктор». Авториз. перевод с итальянск. А. Коллинского. М., Гослитиздат, 1936, 189 стр., 3 руб., тир. 10.000.

Пять повестей

Неровность художественного письма (промахи наряду с меткими попаданиями) свойствена творчеству Дроздова. Не совсем еще измнгото в его последней книге повестей и даже пристрастие к имитации к ложной романтике, мелодраме.

Наибольшая художественная удача Дроздова — повесть «Английский», в которой нет «романтических историй», беллетристических замысловатостей, а просто и последовательно воспроизведены жизнь, деятельность и трагическая смерть выдающегося революционера-большевика в годы гражданской войны и интервенции на Кавказе.

Суровые, порою мрачные краски, которыми пользуется Дроздов, отвечают задаче раскрыть трудности и напряженную жизнь героя революционного подполья и гражданской войны.

Кроме Английского, первым пла-лом показаны в повести его жена и подруга Вания — брат жены. Это да-ло возможность охарактеризовать Английского беспощадного борца с врагами пролетарской революции также и как человека честного, отзывчивого, заботливого, человека, способного не только пламенно ненавидеть, но глубоко, нежно любить.

В стиле повести «Английский» (так и некоторых других повестей Дроздова) есть черты лиризма, песси-мистии.

В частности, мечты, воспоминания Анины порою вызываются в строки песенного ритма, и это не звучит фальшиво, не выпадает из стилистического контекста повести. Правдивыми оказываются в повести и эмоциональные гиперболы. «Так, со-всю в счастье. Анина ехала до самого Басмана, «Вания о немет так ее отдала на все времена казни. Ло-стами ч грудью он обнял камни и стены и сам стал как камень, — как некий камень с живыми глазами человека».

Совсем другой характер носит по-весьма «раб», с ее эпичностью, но не сколько архангельской проблематикой.

Стоящий в центре повести художник-архитектор, впоследствии хранитель музея Плюшаго, сам по себе, как личность, не представляет большого интереса (в сущности, с начала и до конца остается «безвременным уни-ком», как метко его определяет другая персонаж повести), и напрасно автор следит развитие повести к само-разоблачению Плюшаго и осознанию им своего внутреннего краха.

Наиболее интересен драматический элемент биографии Плюшаго, умеле-ца без вычурности показанные взаимоотношения «освобожденного ху-дожника» — апостола древнерусских идей в зодчестве, с купцом «мене-настом» (как именует себя Чашкин). Плюшаго «презирает» Чашкина, «презирает деньги, и однако не только работает по заказам купца, но и спра-вительно легко створивается с ним по сущности.

Чашкин и Плюшаг оба восхища-ются деревянной фигурой «раба», сле-деваряиной мастером-самородком из кре-постных мужиков — правда, по-разному. Но пусть купец более практичен,

Александр Дроздов. Пять повестей. Редактор О. Коллинского. М., Со-ветский писатель, 1936 г., 322 стр., 5 р.

ДЕЛЬМАН

самоотречением; лицензированность в итальянской компартии, измнгото в этой языке — быстрая сообразительность и находчивость — все это налицо у наших скорых в полете и легкокон-гих «феникторов»...

«Фениктор» уже принадлежит истории и будет ею воинен на пье-destal.

Повесть Джерманетто в известной мере и является таким «плесталом». Иначе, «живущие и другие скромные, самоотверженные, дисциплинирован-ные и настойчивые работники партии выполняют свою опасную работу, как полноправные герои. Они спбони и ради блестящие ускользают от огня пистолетов и пистолетов. Но нередко они попадают в руки врага, который жестоко, зверски метит им.

«Фениктор» Джерманетто приближается к типу исторической хроники, однако частое смешение хро-нологических планов значительно затрудняет ориентировку в исторической последовательности событий. Например, совершило выпадает из хро-но-

логической ткани рассказ о замените-ли процессе итальянской компартии 1926 года. «Фениктор» — прежде всего очерк из жизни итальянского подполья первых лет фашистской диктатуры и итальянской эмиграции в Швейцарии, Франции и Бельгии.

Книга изобилует многочисленными публицистическими отступлениями, забывчивыми политическими декларациями. Характеристика персо-налий страдает схематичностью: это от-носится к образам работников под-полья и в несколько меньшей степени к эпизодическим бытовым фигурам, которых немало в книге Джерманетто.

Только представители духовенства дают в сочных сатирических крас-ках.

Новая книга Дж. Джерманетто, ав-тора известной автобиографической повести «Записки цыгулника», интересна своим фактическим материа-лом и с пользой прочтется советским читателем.

Д. ЭЛЬВИН

Темперамент борца, активнаяце-устремленность общественника гораз-до в большей степени, чем особен-ность художественного выражения, определяют творческий путь художника Моора. Он жаждет общения с широ-чими массами в их действенном состоянии. Отсюда — глобальность его произведений.

Художник-общитель тщетно спа-стается от забытия в поисках не-правильного, художник-революционер забывает только о честном работе дне на пользу трусливых в их великой борьбе, вкладывает свою кар-тическую массам в их действенном состоянии. Отсюда — глобальность — в члене. Но замыслу ху-дожника, это делает изображать революционный пролетариат, сбросивший его капитала, и несознательную часть пролетариата, изымающую в покорном работе. Но зрителю понятно иначе. Здорово, мускулистая рука для него — рука обновлявшегося от рабочего, а точка рука в окон-цах — рука плененного врага — пал-ризма. Художник изумрился.

Некоторая литература у Моора иногда отво-дит зрителя далеко от замысла ав-тора.

Но если Моор изменяет его ком-позиционные композиции в поисках простоты для изображения явлений, осложненных философскими трактов-ками, то его вынуждает умение мобили-зовать силы артиста. Художник, никогда не упускает из виду те пер-еживания и тот круг пленительных, в котором вращается массовый зритель.

Помимо пластики, приобретшей ми-роподобие, «Помоги!» эта картина выразительная подпись стоит на черном фоне, под белой фигурой истощенного старика-креп-сильяния, простирающего вперед умоляющим взглядом. По своей выразитель-ности, исклучительной лаконичности, при глубокой эмоциональной насы-щенности, этот пластик является луч-шим произведением Моора.

Антре-прегнозные рисунки Моора оста-ивают внимание своей новой, неожиданной чертой. Моор — худож-ник сарказма, сатирик, не знающий по-зы, яростно ненавидящий классовых врагов, в своих антире-гиональных работах вводящих обнажи-вают иронию, заразительную смешли-вость.

Монументальный по самой приро-де своего таланта, он дает рядом та-ких доказательств подлинности стиля, как скорбь и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-летариата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика, его ноги, кричущие рот, расширенные глаза, обветренные волосы и борода расстались в первачке, капиталист на-правляет папку с его виновством в кре-стовых походах. Красные силуэты про-лете-риата с руками, сдернутыми паль-чиками и тощее тело поражают зрителя скорбью и ужасом. Обрывки соловьи-мы сиротливо реют на черном фоне: помоги. вся фигура крестильщика,

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

«ИСПЫТАНИЕ» ВИЛЛИ БРЕДЕЛЯ

Гордость

Когда я читал книгу Бределя «Испытание», у меня возник вопрос: «Задумали ли победить в Германии фашизм? Я прочел еще раз доказательства. Фашизм — власть свирепая, она нечестная. Что фашизм — власть свирепая, это и видел из книги Бределя, а что нечестная — из доказательств Димитрова.

Замечательно показал В. Бредель первого большевика, профессионального революционера Горстена. У него нет личной жизни, вся она неразрывно связана с революционным движением, с борьбой рабочего класса.

Особенно поражает в Горстене гордость большевика, которую не сломят самые звериные фашисты. Никакие пытки фашистского концлагеря не заставили его сказать больше того, чем нужно: «Я больше ничего не скажу. Это мои последние слова». И это слово он сплакнул. Во всем его поведении сквозит беспредельный преданность рабочему классу. Он горд тем, что носит звание коммуниста, что он

большевик. И эта гордость революционера во время пыток особенно запечатлевается в памяти. Горстен выходит в себе силу воли, добровольно пойти на испытание. Он силен, и никакие пытки его не сломят. После избиения, приведенного в сознание, он остается так же крепок морально. Вот тигр большевика, который должен быть для нас примером.

«Испытание» читатель не только как беллетристику. Эта книга учит жизни, из нее делаешь для себя практические выводы. Интересно показывает Бредель первую встречу Крайбелья с Горстеном. Крайбель по глазам узнает Горстена. Да иначе и быть не могло. Слишком близки они друг другу.

Книга Бределя заставляет еще сильнее почувствовать гордость и любовь к нашему отечеству. Заключенные фашистского тюрем живут мыслами о нашей прекрасной родине — отечестве трудящихся всего мира.

Недашковский,
слесарь з-да им. Авиахима № 1

Мужество и геройзм

Произведение Вилли Бределя по простоте речи и глубокому содержанию можно сравнить с произведением Николая Островского «Как закалялась сталь». Так может написать только человек, сам испытавший и переживший все описанное.

Очень хорошо показан подлинный лицо фашизма, который, как сказал М. Горький, является организованной отборой наиболее гибких мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей, для воспитания их ломаными животными капитализма.

Проникающая гордость и уважение, когда читаешь о коммунистах, загнанных в тюрьмы, в концентрационные лагеря, об этих мужественных борцах за советскую Германию, которые в тяжелых условиях заключения, ежедневных пытках и насилии, не теряют энергии и веры в будущее.

Прекрасно показывает Бредель величие моральных качеств коммуниста. Когда в тюрьме начинается спор о расправе с фашистами после захвата власти рабочими, только один

Что происходит в Германии?

В. Бредель не случайно назвал свою книгу «Испытанием». Все, описанное в книге, пережито самими Бределями. И предисловия мы узнаем, что автор 13 месяцев пробыл в тюрьме, из них 11 месяцев — в одиночке. И то, что т. Бредель видел и пережил, он показал с большим уменьем.

Книга обогащает аналитиками. Читая «Испытание», проникаешься неизвестностью в фашизм и глубоким уважением к германским коммунистам за их мужество и преданность революции.

В отдельных сценах Бредель дает широкое обобщение. Одна сцена допроса создает полное представление о том, что такое фашистская тюрьма. Очень хорошо, что Бредель не идеализирует своих героев, что он правдиво показывает и черные минуты сомнения колебаний отдельных коммунистов.

Недостаток книги кажется мне то, что Бредель недостаточно показал подпольную роль социал-демократов.

Однако в целом книга дает возможность помнить, что происходит в Германии, как самоутвержденно борются коммунисты.

«Испытание» возбудило у меня желание познакомиться дополнительно с рядом газетных и журнальных материалов о Германии.

Морозов,
комсомольский работник завода им. Авиахима № 1.

Быть такими, как они!

В. Бредель своей книгой «Испытание» правдив и просто показывает читателю внутреннюю глыбистую и слабость фашизма. Фашистские штурмовики, покидающие концлагерь в образе Ленинца, продажны: они не преданы государству своей стране, но преданы установленному режиму. Могут ли такие Ленинцы служить прочной основой фашизма?

Бредель прекрасно показывает модельную роль коммунистов. Даже концлагеря они используют как планы для борьбы, для завоевания новых борцов за коммунистическую революцию: союзом демократов Швейцер

выходит из концлагеря коммунистом. Страны странные романа, где показывает Бредель зверства и пытки, практикующиеся в фашистских концлагерях. Мизике, совершенно случайно попавший в концлагерь, подвергается страшному избиению. Его непривычности к революционному движению падают узаконять только после совершения избиения.

В книге показаны мужество и геройство коммунистов в фашистской Германии. Быть таким, как они, учат нас Бредель своим произведениям.

Воронов,
столяр з-да им. Авиахима № 1.

Борьба, ведущая к победе

Борьба неожиданно на жестокий террор, заключенных-коммунистов голоуют против фашистов.

Правдиво нарисовал В. Бредель образ молодого коммуниста Крейбеля, выдержавшего штурм фашистского застенка. Но рядом с ним — старый коммунист Торстен. Он не сложил своего оружия. Крейбель учится у старого партизана и борется в дальнейшем за власть.

Эта книга очень много дает комсомольцам.

Слободецкий,
диспетчер з-да им. Авиахима № 1

Зреет великая сила

При чтении повести В. Бределя невольно вспоминаются тяжелые годы революции после поражения революции 1905 года в России. В Германии воссторгнувшая свирепую власть фашизма. Партия загнана в подполье, но зреет в работе классе великая сила, способная свергнуть фашизм и буржуазию.

Одними моментами очень удивился Бредель. Особенно ярко показала комедия выборов в концентрационном лагере.

При чтении повести В. Бределя невольно вспоминаются тяжелые годы революции после поражения революции 1905 года в России. В Германии воссторгнувшая свирепую власть фашизма. Партия загнана в подполье, но зреет в работе классе великая сила, способная свергнуть фашизм и буржуазию.

Когда читашь это произведение, видишь, что если, с одной стороны, фашистские концлагеря уничтожают физически множество революционеров, то, с другой стороны, они являются

ПЕРЕПИСКА ДРУЗЕЙ

Уважаемый товарищ Лион Фейхтвангер!

Мы пророчили в «Литературной газете» ваше письмо к первоэмигранту тов. В. С. Вальмеру, где вы высказывали давнейшее ваше желание посетить СССР.

Мы этому трезвонично рады. Рады тому, что вы увидите, как прекрасна наша социалистическая страна, дающая полный расцвет творчеству, талантам нашего народа.

Вы увидите много новых промышленных гигантов, новые города, выросшие из старых развалин. Увидите новые камни строителей-энтузиастов. Вы увидите наши школы, пики и борцы, алгориты юношей и девушек, заполненные эти школы и пики.

Вы увидите, какое значение у нас имеет книга и как она читается. И заряд творческое оружие, направленное против врагов освобождения человечества от всего тупого, подавляющего, эксплуатирующего, тянущего еще остree.

Мы разы еще встрече с вами и потому, что эта встреча даст нам возможность поговорить о наших произведениях, читателями которых мы являемся.

Произведения «Успех», «Безобразная герцогия», «Семья Оппенштейн», прочитаны нами с большим впечатлением интересом.

С искренним приветом

Лион Фейхтвангер

Центральным доком художественного воспитания детей им. А. С. Бубнова отображено для детского отдела Международной выставки в Париже (1937 г.) 120 работ советских школников, обучающихся в школах изобразительного искусства, студиях и курсах дома художественного воспитания. Среди экспонатов 30 рисунков, присланных по конкурсному призыву конкурса работ на пушкинские темы, скульптуры, различные декоративные работы, рисунки по текстурам фабрик, принятые фабриками для массового производства.

На снимке: «Футбол» — Ира Ново-Сельская (Ленинград), 8 лет.

«Господин Фицек»

Е. КИПОВИЧ

Западное искусство знает много историй о смелом человеке: капиталистического города.

В них человек, суеверный и медлительный одновременно, тщетно пребывает приспособиться к новому типу жизни, отстоять свое место под солнцем, самостоятельность своего социального бытия, свои человеческие права. С каждым днем круг его творческой сущности становится все уже. Желающий хищника забирается во все уголки, куда маленьких человечек пребывает спрятанный от своей исторической судьбы. И все дальше отступая перед теми, кто давит на него сверху, маленький человек, городской мелкий буржуа, оказывается отнесенными к нему для него страшными «нинами». В рядах пролетариата его геройство становится еще страшнее, чем полного уничтожения. В историях о маленьком человеке Запада были в той или иной мере отражены все испытания, которые действительно прошел этот герой в восхищении и последовании годы.

Мне кажется, Вилли Бредель сумел свой замысел: он ограничился только показом концлагеря. Надо было показать, как живет рабочий класс Германии. Это дополнено бытует.

Однако в целом книга дает возможность помнить, что происходит в Германии, как самоутвержденно борются коммунисты.

«Испытание» возбудило у меня желание познакомиться дополнительно с рядом газетных и журнальных материалов о Германии.

Морозов,
комсомольский работник завода им. Авиахима № 1.

История о смелом человеке: капиталистического города. Господин Фицек — законченный продукт капиталистической системы, в обществе собственников оставлен на нем неизгладимые следы. Поэтому двухмерность того мира, в котором он живет, — еще более страшна двухмерность. Крупный фабрикант четвертого Беременность жизни, твердые расценки на работу подмастерьев, домовладелец, цены на продукты, профессия, суть и полнота капиталистического бытия. С каждым днем круг его творческой сущности становится все уже. Желающий хищника забирается во все уголки, куда маленьких человечек пребывает спрятанный от своей исторической судьбы. И все дальше отступая перед теми, кто давит на него сверху, маленький буржуа, оказывается отнесенными к нему для него страшными «нинами». В рядах пролетариата его геройство становится еще страшнее, чем полного уничтожения. В истории о маленьком человеке Запада были в той или иной мере отражены все испытания, которые действительно прошел этот герой в восхищении и последовании годы.

Положение еще осложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

История о смелом человеке: капиталистического города. Господин Фицек — законченный продукт капиталистической системы, в обществе собственников оставлен на нем неизгладимые следы. Поэтому двухмерность того мира, в котором он живет, — еще более страшна двухмерность. Крупный фабрикант четвертого Беременность жизни, твердые расценки на работу подмастерьев, домовладелец, цены на продукты, профессия, суть и полнота капиталистического бытия. С каждым днем круг его творческой сущности становится все уже. Желающий хищника забирается во все уголки, куда маленьких человечек пребывает спрятанный от своей исторической судьбы. И все дальше отступая перед теми, кто давит на него сверху, маленький буржуа, оказывается отнесенными к нему для него страшными «нинами». В рядах пролетариата его геройство становится еще страшнее, чем полного уничтожения. В истории о маленьком человеке Запада были в той или иной мере отражены все испытания, которые действительно прошел этот герой в восхищении и последовании годы.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство «нинам», что матушка кулинарная сестрица плюхнула на голову Фицека, каждый раз наступающая на них существо оправдываемости. Мы знаем, каким царем маленьких людей Фицек становится.

Положение еще усложняется тем, что г-н Фицек — верный сын капиталистического общества — твердо знает, что фабрикант и домовладелец не хотят уступить власть, удачу, богатство

ВЫШЕ ЗНАМЯ ГОРЬКОГО

НА ВЕЧЕРЕ ЖУРНАЛА «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ»

Общественная роль А. М. Горького в создании журнала «Наши достижения». Выставка журнала, приуроченная к вечеру в ДСН (22 июля), и данные, приведенные в докладе тов. В. Борицкого, дают не только дополнительные материалы о характеристике Горького как редактора, но и представление о том, как Алексей Максимович серьезно расцепил начинания такого типа, как «Наши достижения», какое значение придавал он правдивому художественному очерку.

Одним из главных достоинств журнала является то, что он сумел создать свой авторский коллектив, сплоченный, дружный, работоспособный. Но для того, чтобы коллектив этот сумел достойным образом продолжить традиции Горького в руководстве журналом, необходимо серьезная самокритическая проверка всей работы и четкость программных наметок. К сожалению, на вечере разговор шел больше в плане общих оценок, лекарственных заявлений и не было конкретного анализа практики «Наших достижений», не было того лепшего тона, который отличал, например, недавнее совещание в редакции журнала «Колхозник».

Несколько поразила неразговорчивость членов этого коллектива. Можно подумать, что люди либо не пришли обсуждать производственные вопросы, либо совершенно успокоились, настолько успокоились, что, как Н. Зарудин, никаких других хороших журналов в СССР, кроме «Наших достижений», не видят. Даже «Знамя», один из самых талантливых и интересных журналов, представляется Зарудину «гигибром», неизвестно на ко-ко ориентирующими.

Вполне естественно, что такие потки, прозвучавшие, кстати сказать, в некоторых высказываниях писателей-очерников в пятом номере «Наших достижений», в состоянии вну- шить известную тревогу и то опасение, которое высказал в своем заключительном слове председательствовавший на совещании т. Ставский: как бы некоторые товарищи не стали понимать коллективную сплоченность как право на дружескую «полбажку» в случае, если очерк «не вышел». К сожалению, такие очерки на страницах журнала иногда появляются.

Основной установкой редакции, если она хочет действительно сплочивать горьковские принципы руководства, должна явиться самая суровая, никаких компромиссов не знающая требовательность ко всем авторам. Необходимую атмосферу помочь и содействовать журналу должны создать и правление ССП. До сих пор, надо сказать, «Наши достижения» мало получали от него помощи. Достаточно отметить, что за несколько лет существования журнала правление впервые высказывается обсуждение его работы на широкое писательское собрание.

Может быть, именно поэтому уро- вень обсуждения оказался ниже самой практики этого интересного и нужного стране журнала.

Я. РОЩИН

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ГОРЬКОГО

Союз советских писателей СССР совместно с Центральным парком культуры и отдыха устраивает вечер памяти А. М. Горького в Зеленом театре перед памятником Алексея Максимовича Горького.

На вечер этот приглашаются 20 ты- сяч рабочих, работниц предприятий столицы.

Жизни и творчества А. М. Горького рассказывают: И. Бабель, Петер Заломов (герой повести «Мать»), Вс. Иванов, В. Кирин, народный артист Республики В. И. Качалин, Гасем Лахути, Е. Минц, С. Маршак, М. Погребинский, К. Ралек, В. Ставский, А. Фадеев, проф. Федоров, С. Фирин.

Заключительная художественная программа вечера составлена из отрывков произведений Горького.

ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТВЕТ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Литературному Ленинграду» 11 июля на память статейкой Вс. Азарова «Переводчики и Бажан» — о книге стихов украинского поэта М. Бажана, вышедшей недавно Гослитиздатом в переводах И. Поступальского, Б. Тургanova и Н. Ушакова. Статейка эта — типичный образчик оголтелой беспричинной критики. Подобная «критика» не заслуживала бы ответа, если бы ее автор не прибегнул к недостойной спекуляции на уважении читателей к памяти покойного большого поэта совершенными называть нельзя.

В переводах Багрицкого, при всем уважении к памяти покойного большого поэта совершенными называть нельзя.

Мы отнюдь не считаем наши перевody абсолютно бесспорными. Дело компетентной критики — дать оценку нашей работе. Да ли такую оценку та же Б. Азарова? Да, все утверждения о качестве наших переводов бездоказательны, огульны и явно недобросовестны. Возмутительна попытка Вс. Азарова видеть свое личное мнение за мнение М. Бажана (таково же и мнение самого Бажана). Интересно было бы узнать от Вс. Азарова, что же это за «личное мнение»?

В переводах Багрицкого «покорная пума несет восслед, мерцая, прошальный тихий клин», «пума идет вокруг лесов», «пума в разогн — в разогн... как вагонетки, гонят — хотя во всех трех случаях в подлиннике не пuma, а эхо. (По украински «луна» называет «ехо», «отзвук»). «Медный грош жертвует», принял украинское слово «шаг» — называемое «шагом» Багрицким переведено «медный шаг жертвует», при этом украинское слово «шаг» — называемое «шагом» Багрицким переведено «шагом» и вместо фразы «как колокол забилось» читает «как звон забилось». Первая же строка в

Одна из экспонатов выставки иранского детского искусства

Иранская выставка детских рисунков

Иранская выставка детского рисунка открылась в Москве, в Центральном доме художественного воспитания.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского посольства, представители Наркоминдела тт. Чукорман и Осегров и др.

Выставка состояла из 200 рисунков иранских детей. Эти рисунки привнесены в дар Центральному дому художественного воспитания детей министерства просвещения Ирана г-ном Хизметом.

Рисунки иранских детей богаты по содержанию и оригинальны по формам. В творчестве юных художников заметно влияние старых мастеров иранской живописи. С технической стороны значительная часть работ сделана отлично. Иранские школьники, представленные на выставке, хорошо чувствуют цвет, вполне владеют кистью и карандашом.

Интересен рисунок 13-летнего школника Карабжи Кофа «Мечеть».

В рисунке хорошо передана башенная архитектурная форма и красочные узоры фресок. Прекрасно слепаны рисунки: «Девушка кормит цыплят», «невеста школы» и «Старик с хлопком» Сорофьянца Су-rena.

На торжестве открытия 23 июля присутствовали народные просвещения т. А. С. Бубнов, иранский посол в СССР г-н Ануширан Сенхабди, зам. пред. ВОИКС т. Л. И. Чечрияков, весь состав иранского